

ЗОЛОТЫЕ НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ ИЗ КУРГАНА ВЕРХНИЙ РОГАЧИК: КРИТИКА ИСТОЧНИКА

© 2015 г. Л.И. Бабенко

Харьковский исторический музей (babenkoleonid@yandex.ua)

В научной среде мнение о составе комплекса золотых пластинчатых аппликаций из кургана Верхний Рогачик, раскопанного Н.И. Веселовским в 1914 году, основывается на опубликованной в ОАК за 1913–1915 гг. фотографии, содержащей изображения бляшек 14 различных штампов. Однако анализ сопровождавшего эту фотографию текста, архивных материалов, коллекции Государственного Эрмитажа, а также находок из предыдущих раскопок Н.И. Веселовского убеждают, что на указанном фотоснимке были объединены бляшки, происходящие из двух курганов – Верхнего Рогачика и Чмыревой Могилы.

Ключевые слова: скифская культура, золотые нашивные бляшки, пластинчатые аппликации, Чмырева Могила, Верхний Рогачик.

В 2014 году исполнилось ровно сто лет исследованию скифского кургана, вошедшего в научный оборот под названием Верхний Рогачик. Курган высотой до 11 м располагался в 8 верстах на юго-восток от одноименного села Мелитопольского уезда. Раскопкам предшествовала обычная для того времени история. Местные крестьяне стали разбирать каменную крепиду кургана для своих строительных нужд и попали в погребальную камеру, в которой обнаружили золотые украшения. Начавшаяся “золотая лихорадка” была прервана трагическим случаем – произошел обвал, придавивший насмерть одного из кладоискателей, и местный урядник распорядился прекратить работы, засыпав раскрытый ход землей.

Раскопки производились Н.И. Веселовским, завершившим за год до этого триумфальное исследование Солохи, ставшее венцом 29-летней полевой деятельности профессора Санкт-Петербургского университета. Результаты раскопок Верхнего Рогачика, вследствие сокрушительных и неоднократных ограблений, оказались значительно скромнее прошлогодних. Тем не менее, среди прочего инвентаря, удалось собрать довольно представительную коллекцию золотых бляшек разнообразных штампов. Причем первая золотая бляшка – треугольная с псевдозернью – была подобрана Н.И. Веселовским еще в 1913 г. при осмотре повреждений, нанесенных кургану крестьянскими изысканиями (Солоха находилась сравнительно близко – в 10 верстах к северу от с. Верхний Рогачик).

Первая публикация находок из этого комплекса состоялась в ОАК за 1913–1915 гг., в последнем выпуске этой серии, вышедшем в 1918 г. В этом же году, 12 апреля, оборвалась и жизнь самого Николая Ивановича Веселовского. Информация о раскопках Верхнего Рогачика в ОАК достаточно лаконична – этим исследованиям посвящено неполных пять страниц и несколько рисунков (ОАК 1913–1915. С. 132–136. Рис. 218а–в, 219–221).

Под курганной насыпью были обнаружены две могилы. Отсутствие каких-либо стратиграфических наблюдений не позволяет сделать обоснованный вывод об их последовательности либо синхронности. Сведения об устройстве погребальных сооружений главным образом можно почерпнуть из очень схематичных планов, опубликованных в ОАК. “Центральная”¹ могила была несколько смещена к северу от центра насыпи. Входная яма глубиной 6.7 м имела в плане прямоугольную форму и была ориентирована в широтном направлении. К восточной стенке ямы в юго-восточном направлении примыкала камера овальной формы. По клас-

¹ В научном обороте взаимное расположение могил кургана Верхний Рогачик определяется именно как центральная и боковая. Однако, исходя из наличествующего плана (ОАК 1913–1915. Рис. 218б), западная камера боковой могилы располагалась гораздо ближе к центру по сравнению с центральной могилой, смещенной к северу от условного центра. Однако, принимая во внимание общеизвестный факт небрежного отношения Н.И. Веселовского к оформлению полевой документации, следует с осторожностью относиться к данному источнику.

сификации В.С. Ольховского данное погребальное сооружение относится к 1 варианту VI типа катакомб (бездромосные однокамерные, оси камеры и колодца под углом, камера отходит от короткой стороны колодца) (Ольховский, 1991. С. 28, 201, 215).

“Боковая” могила располагалась под восточной частью насыпи. Входная яма прямоугольной формы располагалась к юго-востоку от условного центра кургана. От ямы на север, с незначительным отклонением к западу, был пробит дромос длиной 15 м, который торцом упирался в короткий (длиной 4.25 м), расположенный перпендикулярно коридор. К обоим торцам короткого поперечного дромоса примыкали две камеры, длинные оси которых были параллельны оси поперечного коридора; восточная камера имела в плане прямоугольную форму, западная – близкую к овальной. По классификации В.С. Ольховского сооружение относится к 4Б варианту III типа катакомб, представленного в собранном исследователем своде исключительно верхнерогачикским комплексом (Ольховский, 1991. С. 201, 215).

Фотографии многих предметов, обнаруженных при раскопках, в публикации отсутствуют, но пластинчатые аппликации презентованы полно – на рис. 221, содержащем изображения бляшек 14 видов, по одной каждого вида, за исключением треугольных с псевдозернью, представленных шестью экземплярами трех различных штампов – более крупных, средних и мелких (рис. 1).

Столь представительный и, главное, замечательный по своему разнообразию, набор золотых бляшек не мог не вызвать интерес исследователей. Первым материалы этого комплекса использовал в своей фундаментальной работе М.И. Ростовцев, уделив основное внимание именно золотым бляшкам и отметив при этом близость ряда бляшек культобинским типам (“богиня с зеркалом и скифом”, “Геракл и лев”, “голова Афины в $\lambda\epsilon\omicron\nu\tau\acute{\iota}$ ”), а также единство штампа для ряда наиболее типичных бляшек Чмыревой Могилы и Мордвиновского кургана (Ростовцев, 1925. С. 425). Анализируя представленные на бляшках сюжеты, М.И. Ростовцев выделил группу аппликаций “монетного типа”, воспроизводящих аверс или реверс античных монет различных центров. Из верхнерогачикских в эту серию вошли круглые бляшки с изображением бородатой мужской головы, восходящие к аверсам пантикапейских монет, бляшки с изображением борющегося со львом Геракла, подражающие монетам Кизика, и бляшки с изображением Афины в шлеме, также восходящие к статерам Кизика или же неизвестному прототипу (Ростовцев, 1925. С. 444, 447, 448).

Особое внимание исследователя привлекла серия бляшек с сюжетами культового характера, к которой из верхнерогачикских были отнесены аппликации с “изображением богини с зеркалом и стоящим перед ней скифом с ритонном”; с изображением богини со “священными зверями – собакой и птицей”; со сценой борьбы двух скифов (Ростовцев, 1925. С. 439). Анализ структуры текста монографии позволяет сделать интересное наблюдение. Все верхнерогачикские бляшки “монетной” серии, а также первая из серии “культовых сюжетов” отмечены в основном тексте; две последних “культовых” – с богиней, собакой и птицей и с борющимися скифами – в основном тексте представлены как бляшки из Чмыревой Могилы, а упоминание о принадлежности их к верхнерогачикскому комплексу вынесено в подстрочную сноску (Ростовцев, 1925. С. 439). Вероятно, их близость была замечена М.И. Ростовцевым в самый последний момент и откорректировать основной текст возможности уже не представилось (в июне 1918 года, сразу после окончания работы над текстом 1-го тома М.И. Ростовцев уехал в научную командировку в Швецию – “покинул страну, чтобы больше ее никогда не увидеть” (Зуев, 1997. С. 75); работу к изданию подготовили Б.В. Фармаковский, В.В. Латышев и С.А. Жебелев (Тункина, 1997. С. 92)).

Окончательный “паспорт” бляшки из кургана Верхний Рогачик получили в известном своде Н.А. Онайко, представ в следующем виде:

“493. Верхний Рогачик, Великопетинский р-н, Херсонская обл. Курган. Золотые и электроновые бляшки (табл. XL, XLI) с изображением: а) сидящей вправо богини, тип 491a²; б) сидящей вправо богини с птицей в руке (перед богиней сидит собака); в) борющихся варваров; г) Геракла, тип 491в; д) юноши в схеме коленопреклонного бега влево с плодами? в руках; е) голова Афины, тип 491д; ж) голова Медузы с прической в виде свернувшихся в калачик змеек; з) голова Медузы с короткой прической; и) голова сатира вправо в примитивной трактовке; к) голова негра в фас; л) сцена терзания оленя пантерой; м) львиноголовых грифов, стоящих в геральдической позе; н) восьмилепестковой розетки; о) треугольников, тип 491р. Узкие пластинки, украшенные растительным орнаментом (табл. XXIII)” (Онайко, 1970. С. 105, 106).

Если сравнить этот перечень аппликаций с бляшками на фотографии, помещенной в ОАК на рис. 221, можно легко заметить ряд несоответствий. В список Н.А. Онайко были включены от-

² Здесь и далее: в каталоге Н.А. Онайко позицию “491” составила пластинчатая аппликация из Чертомлыка.

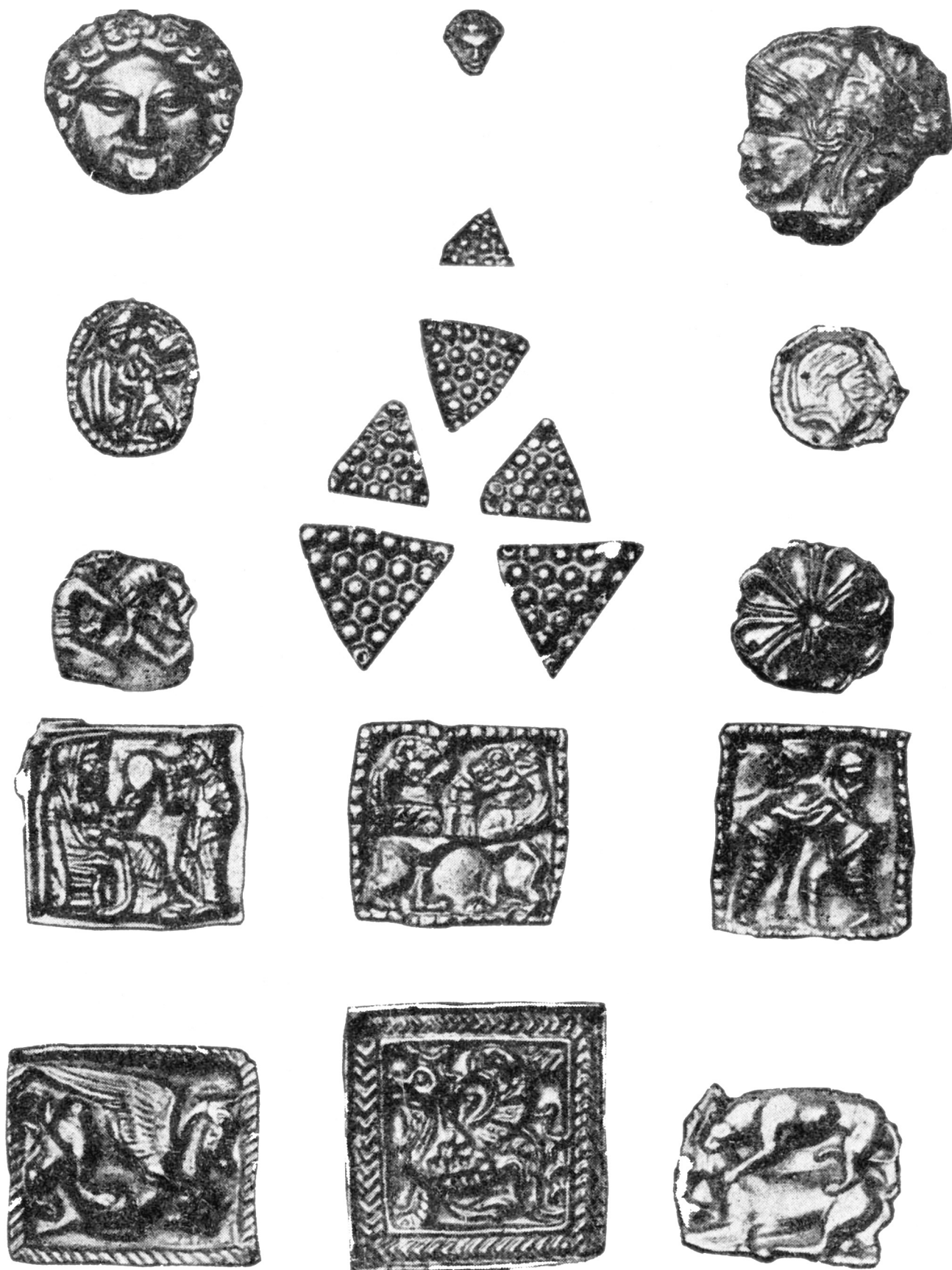

Рис. 1. Фотография золотых бляшек из кургана Верхний Рогачик (ОАК 1913–1915 С. 135. Рис. 221).

сутствующие на фотоснимке бляшки – с изображением “юноши в схеме коленапреклонного бега влево с плодами? в руках” (493д), а также один из штампов с изображением головы Медузы “с короткой прической” (493з). При этом два штампа бляшек – с изображением грифона влево и грифона, терзающего лошадь – исследовательницей были “забыты”.

Следующим к этому комплексу обратился А.М. Лесков (Лесков, 1974. С. 41–44). Исследователь описал историю исследования кургана (ошибочно указав год раскопок – 1915 вместо 1914). При подготовке монографии были широко задействованы материалы архива ИИМК (тогда – ЛОИА АН СССР), что позволило ввести в научный оборот многие ранее не опубликованные находки, в числе которых были и верхнерогачикские, в частности, ожерелье с бляшками с изображением “двойного сфинкса” (названные А.М. Лесковым “человеческим лицом”) с аграфом, украшенным псевдозернью, и бутоновидными подвесками (Лесков, 1974. С. 42. Рис. 33). Из пластинчатых аппликаций были также опубликованы прямоугольные бляшки с изображением грифона, терзающего лошадь, и грифона влево (Лесков, 1974, Рис. 32, верхнее фото), треугольные с псевдозернью, с Медузой Горгоной, с Афиной в шлеме, с двумя грифонами в геральдической позе (Лесков, 1974. Рис. 32, нижнее фото), борющихся скифов (Лесков, 1974. Рис. 35). В тексте были также упомянуты аппликации, отсутствующие на иллюстрациях, а именно: треугольные бляшки с псевдозернью; восьмилепестковые розетки; бляшка с изображением Геракла, “давящего” льва и оленя, раздираемого львом. По непонятной причине была отмечена уникальность бляшки, изображающей борьбу двух скифов, хотя к этому времени помимо чмыревской аппликации (интерпретации сюжета которой к тому же было посвящено специальное исследование Кубланова (Кубланов, 1955)), аналогичные бляшки были обнаружены в кургане № 8 группы “Пять братьев” Елизаветовского курганного могильника (Шилов, 1961. С. 162).

Один из штампов верхнерогачикских бляшек (с головой Медузы Горгоны) был использован Б.Н. Мозолевским для определения пола погребенного в боковой могиле. Соглашаясь с мнением предшественников о женском захоронении в центральной могиле (ОАК 1913–1915 гг. С. 134; Лесков, 1974. С. 44), боковую могилу исследователь отождествил с мужским погребением на основании обнаружения аналогичных бляшек с головой Медузы Горгоны в мужской гробнице Толстой Могилы (Мозолевский, 1979. С. 154). Однако совершенно не ясно, по каким соображениям эта бляшка была

отождествлена Б.Н. Мозолевским именно с находками из боковой могилы, так как в тексте в ОАК она не упоминается вовсе.

Наконец, бляшки из Верхнего Рогачика были совсем недавно рассмотрены в специальном исследовании, посвященном украшениям из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля (Болтрик, Фиалко, 2007). Авторы систематизировали пластинчатые аппликации, распределив по четырем изобразительным группам – с антропоморфными, зооморфными, растительными и геометрическими сюжетами. В “антропоморфную группу” были включены следующие верхнерогачикские бляшки: с изображением головы Афины в львиноголовом шлеме, оттиснутые двумя штампами; Великой богини и юноши с ритонном; сидящей богини вправо в ободке с псевдозернью; с двумя борющимися скифами; Геракла, борющегося со львом; монетного типа – с профильным изображением мужской головы вправо; головы Медузы Горгоны; маленькая овальная бляшка с изображением человеческого лица в фас (Болтрик, Фиалко, 2007. Рис. 3, 1, 3–7, 9). Группу “зооморфных сюжетов” составили бляшки с двумя стоящими в геральдической позе грифонами; с грифоном влево в рамке из веревочного орнамента; с изображением орлиноголового грифона вправо, терзающего лань и льва влево, терзающего оленя (Болтрик, Фиалко, 2007. Рис. 4, 1–4). Группа бляшек с растительными мотивами была представлена аппликациями в виде 8-лепестковых розеток (Болтрик, Фиалко, 2007. Рис. 2, 6). Информация о бляшках с геометрическими сюжетами вынесена в таблицу, в которой отмечены 243 пуговицы и 7 треугольных аппликаций с псевдозернью (Болтрик, Фиалко, 2007. С. 58). Сравнительная аппликации из Верхнего Рогачика, Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко нашли им соответствие в гарнитурах следующих комплексов: Чертомлыка (6 соответствий), Куль-Обы и Чмыревой Могилы (по 4), Огуза и Толстой Могилы (по 3) (Болтрик, Фиалко, 2007. С. 62).

Таким образом, можно констатировать, что комплекс верхнерогачикских золотых аппликаций был неоднократно опубликован, систематизирован, изучен, что в немалой степени способствовало его широкому привлечению многими исследователями при решении тех или иных научных задач.

Однако, несмотря на устоявшийся взгляд на номенклатуру верхнерогачикских золотых бляшек, имеются причины коснуться этой проблемы еще раз. К этому побуждает более внимательное прочтение “первоисточника”, а именно – информации, содержащейся в ОАК за 1913–1915 гг. В существующем тексте отмечены далеко не все золотые

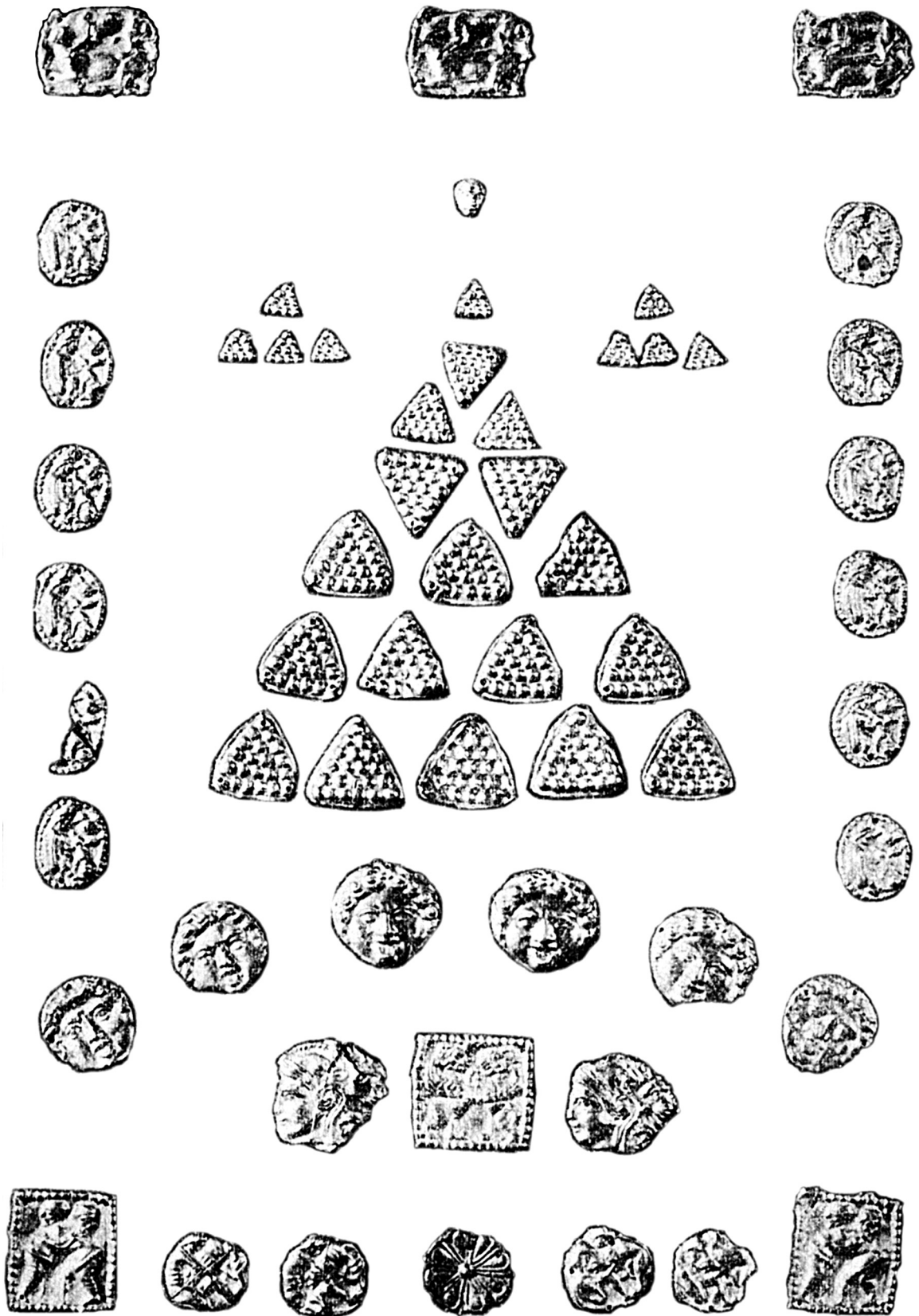

Рис. 2. Золотые бляшки из кургана Чмырева Могила (ОАК 1909–1910. Рис. 192; Веселовский, 1910. Фиг. 1).

Рис. 3. Распределение золотых бляшек по комплексам курганов Чмырева Могила (1–10) и Верхний Рогачик: центральная (11–15) и боковая (16, 17) могилы. Для позиций 6 и 15, 10 и 17, 14 и 16 Н.И. Веселовским использованы фотографии одних и тех же бляшек (ОАК 1913–1915. Рис. 221).

бляшки из присутствующих на опубликованной фотографии (Рис. 221). Содержатся упоминания находок следующих аппликаций:

с. 132 (**боковая** могила): “золотые треугольные пластинки” и другие золотые же украшения (находки крестьян из грабительских раскопок);

с. 134 (здесь и далее – **центральная** могила): “золотые предметы украшений”, “золотые пластинки” из грабительского хода; “пять золотых пластинок с изображением грифонов”, втптан-

ных в дно могилы (позиция на фотографии этих бляшек не указана; употребление слова “грифоны” во множественном числе не может служить безоговорочным основанием для атрибуции в качестве таковой бляшки с изображением двух грифонов в геральдической позе; ниже, при описании бляшки с одним грифоном влево также было использовано множественное число; вероятнее всего, употребление множественного числа связано с количеством найденных аппликаций (то есть более одной), а не числом представленных на них персонажей);

с. 135: “крупные 4-угольные золотые пластинки от платья”:

– “богиня, сидящая на кресле и держащая в левой руке зеркало, а правой поддерживающая край распашного одеяния; перед ней скиф, пьющий из ритона” (“налево 4-я сверху”);

– “пластинки с грифонами, обращенными влево” (“внизу посредине”);

– “с грифонами, терзающими лошадь” (“внизу направо”); в этом случае позиция бляшки на фотографии была перепутана, на самом деле она была расположена “налево”, а справа размещается другая бляшка, отличающаяся формой и сюжетом – фигурная, в виде льва, терзающего оленя. – Л.Б.);

– “три мелкие золотые розетки с рубчатым рисунком” (“направо 3-й предмет сверху”);

– “небольшие круглые бляшки с вытисненной головкой” (позиция на фотографии этих бляшек также не указана; бляшек с “вытисненной головкой” на фотографии 4 варианта, однако аппликации с головой Медузы и Афины в шлеме относительно крупные и не подходят под определение “небольшие”; мелкая бляшка с изображением лица в фас фигурная и не подходит под определение “круглая”; единственно приемлемым вариантом является бляшка монетного типа с изображением мужского лица влево – крайняя правая во втором ряду сверху; однако не исключено, что бляшка данного штампа на фотографии вовсе отсутствует);

– (здесь и далее – *боковая* могила): “треугольная золотая пластинка с зернью” (находка Н.И. Веселовского при осмотре места грабительских раскопок в 1913 г.);

с. 136: пластинка “треугольной формы с зернью” и “круглая с оттиском мужской головы” (позиция не указана, несомненно, это бляшка “монетного” типа, крайняя правая во втором ряду сверху; находки 1914 года при осмотре грабительской “мины”).

Помимо золотых бляшек, были упомянуты следующие украшения из золота (также из северной могилы): “женское головное украшение с подвесками”, серьга (на самом деле, перстень – Л.Б.), перстень, “большое количество золотых рубчатых трубочек”, “три крупные привески от ожерелья”, “много золотых дутых бус”, “много золотых пуговок”, “обломки золотых неопределенных предметов” (ОАК 1913–1915. С. 134, 135).

Таким образом, в тексте были вовсе не отмечены из присутствующих на фотографии следующие бляшки: весь верхний ряд – Медуза Горгона, “головка негра” и Афина в шлеме; во втором ряду сверху – богиня с собакой и птицей (крайняя левая); в третьем – Геракл, борющийся со львом (крайняя левая); в четвертом – геральдические грифоны и

борющиеся скифы (центральная и правая бляхи); в нижнем ряду – терзание хищником копытного животного (крайняя правая), т.е., всего восемь различных штампов. Подобное невнимание к ряду аппликаций можно было бы объяснить жестким ограничением к объему текста. Однако на нескольких страницах, посвященных находкам из Верхнего Рогачика, наличествует довольно подробное описание бляшки с изображением богини и предстоящего скифа, упомянуты треугольные бляшки, трубочки, бусы, пуговицы и, даже “обломки золотых неопределенных предметов”, то есть весьма посредственный с точки зрения зрелищности и информативности материал. А целый ряд бляшек исключительно интересных, даже уникальных, штампов проигнорирован.

Чтобы объяснить столь нелогичную презентацию находок из Верхнего Рогачика на страницах ОАК, следует обратиться к некоторым материалам из прежних раскопок Н.И. Веселовского, а именно, найденным при доисследовании кургана Чмырева Могила, состоявшемся за 5 лет до описываемых событий. Наиболее эффектной находкой этих работ явилось обнаружение в тайнике уникального “сервиса” из 10 серебряных сосудов (Трейстер, 2009), однако и набор золотой пластинчатых аппликаций оказался весьма представительным. Помимо ряда интересных штампов, известных еще по работам на Чмыревой Могиле Ф. Брауна в 1898 году (борющиеся скифы, богиня с собакой и птицей, два грифона в геральдической позе) (Браун, 1906. Рис. 37, 38, 40), было обнаружено еще несколько новых типов аппликаций. Золотые бляшки из собственных раскопок Чмыревой Могилы Н.И. Веселовским были изданы дважды – в материалах ОАК за 1909–1910 гг. и в научно-популярном журнале “Гермес”, на страницах которых размещались совершенно идентичные фотографии с аппликациями (рис. 2) (ОАК 1909–1910. Рис. 192; Веселовский, 1910. Фиг. 1). В научно-информационном издании исследователь отметил находку бляшек с изображением “головки Афины с мордой льва, двух борющихся скифов, двойного грифона, головы медузы, двух борющихся зверей и овальные бляшки с изображениями: а) человека, птицы и собаки; б) Геркулеса, удушающего льва” (ОАК 1909–1910. С. 130). В “Гермесе” этот список дополнили еще “большие треугольники с зернью, с тремя ушками на задней стороне для пришивания” (Веселовский, 1910. С. 304). В обоих изданиях не отмечены две присутствующие на фотографиях бляшки – восьмилепестковая розетка (средняя в самом нижнем ряду) и мелкая бляшка с изображением человеческого лица в фас (средняя во втором ряду сверху, “венчающая” пирамидку из бляшек-треугольников).

Таким образом, обнаруживается, что все без исключения золотые бляшки, которые при публикации материалов Верхнего Рогачика оказались проигнорированы в текстовой части, пятью годами ранее были найдены при исследовании Чмыревой Могилы. Причем именно все, и нет ни одного чмыревского штампа, который бы отсутствовал на фотографии в ОАК 1913–1915 гг. При этом совпадают оба комплекса всего двумя штампами – бляшками в виде восьмилепестковой розетки и треугольника с псевдозернью. Следует особо подчеркнуть, что в целом Н.И. Веселовский совершенно верно атрибутировал представленные на бляшках из Чмыревой Могилы персонажи и сюжеты, но на фотографии, презентующей верхнерогачикские находки, они были им и не узнаны, и проигнорированы.

Скорее всего, для публикации в ОАК была использована фотография, подготовленная для каких-то иных целей и содержащая изображения золотых аппликаций из двух комплексов – Чмыревой Могилы и Верхнего Рогачика. Происхождение из Чмыревой Могилы одной из бляшек, изображенных на фотографии в ОАК за 1913–1915 гг., а именно – головы Афины в львиноголовом шлеме, подтверждает более внимательное ее рассмотрение. На всех ее изображениях, начиная с первой публикации, хорошо различимо характерное повреждение в виде трещины на макушке головы, расходящейся книзу двумя извилистыми лучами (ОАК 1913–1915. Рис. 221; Лесков, 1974. Рис. 32, Болтрик, Фиалко, 2007. Рис. 3, 1). Абсолютно идентичное повреждение можно увидеть и на бляшке из Чмыревой Могилы, сфотографированной и опубликованной задолго до начала работ на кургане Верхний Рогачик (ОАК 1909–1910. Рис. 192; Веселовский, 1910. Фиг. 1). Представляется совершенно невероятным, чтобы две бляшки одного штампа, найденные одним и тем же исследователем с разницей в 5 лет, имели совершенно одинаковое повреждение. Более правдоподобно предположить, что на фотографиях изображена одна и та же бляшка, происходящая, естественно, из ранее исследованного и опубликованного комплекса – Чмыревой Могилы.

Использование для публикации в ОАК не совсем корректного фотоснимка, не строго отражающего состав золотых аппликаций из Верхнего Рогачика, отчасти можно объяснить некоторыми особенностями, свойственными характеру Н.И. Веселовского как исследователя. Наряду с подвижничеством, граничащим с научным подвигом (29 полевых сезонов!), и исключительной удачливостью, позволившей снискать славу главного поставщика скифского золота в сокровищницу Эрмитажа, Н.И. Веселовский получил немало и упреков от коллег, как своих

современников, так нынешних скифологов, отмечавших крайнюю небрежность и самих раскопок, и оформленной им полевой документации (Манцевич, 1987. С. 67; Алексеев, 1996. С. 131; Галанина, 1997. С. 28; Мозолевский, Полин, 2005. С. 25–28; Полин, 2011. С. 208, 209). Поэтому едва ли следовало бы ожидать исключительную скрупулезность и при публикации результатов исследований. Но все же в этом случае Н.И. Веселовский заслуживает упрек лишь частично – ведь в тексте верхнерогачикские бляшки были перечислены. В итоге опубликованная фотография оказалась своеобразной “источниковедческой ловушкой”, первым в которую угодил М.И. Ростовцев, а затем и другие исследователи.

Разрешить проблему состава верхнерогачикского комплекса – безоговорочно и однозначно – можно было бы, обратившись непосредственно к самой коллекции. Однако находки из Верхнего Рогачика, поступившие на хранение в Государственный Эрмитаж из Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) только в 1926 году (передаточный акт от 05.06.1926), сохранились далеко не в полном составе. Из пластинчатых аппликаций – только треугольные бляшки с псевдозернью. Ниже приводится выдержка из инвентарной книги Государственного Эрмитажа, в части, касающихся коллекции предметов из Верхнего Рогачика (табл.)³.

Как видно из перечня, отсутствует большинство и собственно верхнерогачикских бляшек, но нет также ни одной и из числа аппликаций, относимых к чмыревским.

Предполагаемый в этой работе состав золотых бляшек подтверждает и обращение к архивным материалам, относящимся к исследованию Верхнего Рогачика, в которых упомянуты те же самые аппликации, что и в ОАК за 1913–1915 гг. Из центральной могилы: бляшки с изображением сидящей богини с зеркалом и предстоящим скифом с ритонном; с грифоном, обращенным влево; с грифоном, терзающим лошадь; “небольшие круглые бляшки с вытисненной головкой”. Из боковой могилы – “треугольной формы с зернью и круглая с оттиском мужской головы” (Отчет..., 1914. Л. 3, 4).

По сообщению заведующего отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А.Ю. Алексеева, противоречивость состава комплекса золотых бляшек из Верхнего Рогачика

³ Выражаю искреннюю признательность заведующему отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А.Ю. Алексееву за консультации и предоставленную возможность ознакомиться с составом коллекции из кургана Верхний Рогачик.

Таблица

Номер по инвентарю	Описание предмета
Дн 1914 2/1	Пронизка длинная плоская с рельефными точками с одной стороны, золотая
Дн 1914 2/2	Подвеска золотая желудевидная полая, орнаментированная с колечком наверху
Дн 1914 2/3	Три подвески золотые зерновидные полые, с колечком наверху (<i>раск. № 8</i>)
Дн 1914 2/4	Шесть звеньев золотых от ожерелья; звенья полые с изображением сидящего сфинкса в фас; к каждому звену подвешено по желудевидной привеске (происходят от того же ожерелья, что и звенья № 2/5) (<i>раск. № 1</i>)
Дн 1914 2/5	Четыре звена золотые от ожерелья; звенья полые с изображением сидящего сфинкса в фас; к каждому звену подвешены по две желудевидные привески (принадлежат тому же ожерелью, что и звенья № 2/4) (<i>раск. № 1</i>)
Дн 1914 2/6	Три подвески золотые желудевидные, полые, с шестилепестковой розеткой на нижнем конце; желуди орнаментированы (<i>раск. № 7</i>)
Дн 1914 2/7	Бляшка золотая штампованная – треугольник с зернью; в углах по дырке
Дн 1914-2/8	Триста семьдесят два цилиндрика золотых рубчатых (<i>раск. № 11</i>)
Дн 1914 2/9	Сто семьдесят одна буса золотая шаровидная, составленная из двух половинок (<i>раск. № 12</i>)
Дн 1914 2/10	Обрывок ленты из листового золота с пятью дырками; один конец округло срезан
Дн 1914-2/11	Обрывок листового золота с пятью дырками и со следами орнамента
Дн 1914 2/12	Обрывок листового золота – угол – с штампованным орнаментом
Дн 1914 2/13	Обрывок ленты золотой узкой с тремя дырками
Дн 1914-2/14	Обрывок листового золота, похожий на крыло
Дн 1914 2/15	Двести сорок три пуговики полушаровидные, гладкие (<i>раск. № 13</i>)
Дн 1914 2/16	Восемь пуговиц золотых полушаровидных гладких и три обломка таких же пуговиц (<i>раск. № 13</i>)

чика была им замечена еще при работе над кандидатской диссертацией. Это нашло отражение в ряде работ, посвященных пластинчатым аппликациям из Чертомлыка. Исследователь первым указал на ошибочность включения Н.А. Онайко в состав бляшек из Верхнего Рогачика аппликаций с изображением юноши в коленопреклонном беге (Алексеев, 1984. С. 66). Сами бляшки рассмотрены не суммарно по кургану, а отдельно по каждому погребению. При построении граф близости на основе таблицы показателей близости (в печатном варианте таблицы из-за технического сбоя имеются погрешности) в качестве аналогий чертомлыцким бляшкам по штампу, сюжету или стилю были указаны верхнерогачицкие бляшки из основного погребения с изображением богини с зеркалом и предстоящим скифом, бородатой головы влево и розетки и, одновременно, проигнорированы такие “лжеверхнерогачицкие” аналогии как голова Медузы, голова Афины в шлеме и борьба Геракла со львом.

Показательно, что в построенном А.Ю. Алексеевым графе близости комплектов нашивных украшений связь между Верхним Рогачиком и Чмыревой Могилой, высчитанная по известной формуле показателя сходства $f = \frac{s^2}{K \times L}$ (где s – количество сходных бляшек из двух комплексов, K – общее количество бляшек первого комплекса, L – то же для второго комплекса), отсутствует вовсе. Если рассчи-

тать по этой формуле связь между двумя комплексами, согласившись с верхнерогачицкой атрибуцией всех бляшек, размещенных на фотографии в ОАК, то полученное значение показателя сходства будет беспрецедентно высоким – $f = 10^2/10 \times 14 = 0.71$. Подобное значение должно было бы свидетельствовать не только о синхронности обоих погребений, но и о значительной близости иного порядка (семейной, родовой и прочее). Если же согласиться с изложенными в статье аргументами о непричастности указанных аппликаций к Верхнему Рогачику, степень близости между двумя комплексами будет на порядок ниже – $f = 2^2/10 \times 6 = 0.07$. Комплексы с подобной степенью сходства А.Ю. Алексеевым при построении граф близости даже не были учтены, так как значение нижнего порога первой группы (0.08) оказалось на один пункт выше (Алексеев, 1984. Рис. 2).

Также позиционируются верхнерогачицкие аппликации и в другой работе, посвященной нашивным бляшкам из Чертомлыка. Здесь в качестве аналогий бляшки из Верхнего Рогачика привлечены лишь дважды – для штампов, изображающих сидящую богиню с зеркалом и предстоящим скифом, и штампов монетного типа с изображением бородатой головы вправо (Алексеев, 1986. С. 68–70. Кат. 24, 36). И в то же время не приведены в качестве аналогий бляшки с изображением Афины,

Медузы, Геракла со львом, “негра” в фас (Алексеев, 1986. С. 67–70. Кат. 19, 31, 32, 39).

Тем не менее, в этих работах, предусматривавших решение совершенно иных задач, не было акцентировано внимание на составе пластинчатых аппликаций именно верхнерогачикского комплекса. Это, в свою очередь, привело к тому, что в научном обороте продолжает пребывать искаженное представление о составе бляшек из кургана Верхний Рогачик. И в качестве таковых все так же ошибочно рассматривается значительная группа аппликаций из Чмыревой Могила (рис. 3, 1–10).

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что в состав погребального инвентаря, обнаруженного при исследовании кургана Верхний Рогачик, входили золотые бляшки следующих штампов. **Центральная** могила: антропоморфные сюжеты – Великая богиня на троне с зеркалом и юноша с ритонем и круглые бляшки с вытисненной головкой, вероятнее всего, монетного типа с профильным изображением мужской головы вправо; зооморфные сюжеты – грифон влево в рамке из веревочного орнамента и орлиноголовой грифон вправо, терзающий лань; растительные сюжеты – восьмилепестковые розетки (рис. 3, 11–15). **Боковая** могила: антропоморфные сюжеты – бляшки монетного типа с профильным изображением мужской головы вправо; геометрические сюжеты – треугольные бляшки с псевдозернью (рис. 3, 16, 17). Подобный состав бляшек более соответствует и хронологической позиции Верхнего Рогачика, отнесенного А.Ю. Алексеевым к позднейшей хронологической группе Г, в то время как боковое погребение Чмыревой Могила получило более раннюю дату в пределах третьей четверти IV в. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 264, 265, 277, 296)⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV–III в. до н.э. (по бляшкам-аппликациям и наконечникам стрел) // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 65–75.
- Алексеев А.Ю.* Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торевтика / Ред. Н.Л. Грач. Л.: Гос. Эрмитаж, 1986. С. 64–74, 156–163.
- Алексеев А.Ю.* О так называемых нашивных эмблемах скифской эпохи // Между Азией и Европой. Кавказ в

IV–I тыс. до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 130–134.

- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.
- Бидзиля В.И., Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Изд. дом “Скиф”, 2012. 752 с.
- Болтрик Ю.В., Филалко Е.Е.* Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитності степового Причорномор’я і Криму. Т. XIV. Запоріжжя: ЗНУ, 2007. С. 51–93.
- Браун Ф.А.* Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. (с 52 рис.) // ИАК. Вып. 19. СПб., 1906. С. 81–116.
- Веселовский Н.И.* Чмырев курган // Гермес. 1910. № 11–12 (57–58). С. 302–310.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. М.: Палеограф. 1997. 269 с., 44 табл.
- Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / Ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 84–123.
- Кубланов М.М.* Золотая бляшка из Чмырева кургана (некоторые черты заупокойного культа у скифов) // КСИА. 1955. Вып. 58. С. 127–130.
- Лесков О.М.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво, 1974. 123 с.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. М.: Искусство, 1987. 135 с.
- Мозоловський Б.М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979. 251 с.
- Мозоловський Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герросса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: Изд. дом “Стилос”, 2005. 600 с.
- ОАК за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913. 289 с.
- ОАК за 1913–1915 годы. Пг., 1918. 295 с.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 212 с. (САИ; Д1–27).
- Отчет о раскопках Н.И. Веселовского в 1914 году. Таврическая губерния и Кубанская область // Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. 1914. Д. 61.
- Полин С.В.* К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: Опыт методики российских и украинских полевых исследований / Ред.: Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников, А.А. Завойкин. М.; Киев: ИА РАН, 2011. С. 206–222.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л.: Типография I Ленинградской трудовой артели печатников, 1925. 621 с.
- Трейстер М.Ю.* Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могила // Древности Боспора. Т. 13. М.: ИА РАН, 2009. С. 414–460.
- Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 84–123.
- Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 150–168.

⁴ В системе хронологии, предложенной С.В. Полиным, абсолютные даты многих скифских курганов Северного Причерноморья были удривлены на четверть столетия и датировка Чмыревой Могила была определена в пределах второй четверти IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 526, 527); комплекс же Верхнего Рогачика отсутствует в представительном перечне курганов, получивших ту или иную хронологическую позицию (Бидзиля, Полин, 2012. С. 596).

GOLDEN STAMPED PLAQUES FROM THE BARROW VERKHNY ROGACHIK: SOURCE'S CRITICIS

Leonid I. Babenko

Kharkiv Historical Museum (babenkoleonid@yandex.ua)

In the scientific community the opinion about the composition of golden stamped plaques from the Verkhny Rogachik burial mound, which was excavated by N.I. Veselovsky in 1914, is based on the photo that was published in Report of the Imperial Archaeological Committee for 1913–1915. The photo represented the plaques of 14 different stamps. However the analysis of the text attached to the photo, the archive materials, the collection of the State Hermitage and also the findings from the previous excavations conducted by N.I. Veselovsky convinces us that the plaques originated from two burial mounds, Verkhny Rogachik and Chmyreva Mogila, are combined on this photo.

Key words: the Scythian culture, golden stamped pendants, lamellate applique, Chmyreva Mogila, Verkhny Rogachik.

REFERENCES

- Alekseyev A. Yu.*, 1984. O meste Chertomlykского kurgana v khronologicheskoy sisteme pogrebeniy skifskoy znati IV–III v. don.e. (poblyashkam-applikatsiyam i nakonechnikam strel) [On the place of Chertomlyksky barrow in chronological system of the Scythian nobility burials of 4–3 cc BC (on the pendants-appliques and arrowheads)]. *Arkheologicheskyy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage], 25, pp. 65–75.
- Alekseyev A. Yu.*, 1986. Nashivnyye blyashki iz Chertomlykского kurgana [Stamped pendants from the Chertomlyksky barrow]. *Antichnaya torevtika* [Antique toreutics]. N.L. Grach, ed. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 64–74, 156–163.
- Alekseyev A. Yu.*, 1996. O tak nazyvayemykh “nashchitnykh emblemakh” skifskoy epokhi [On the so called “shield emblems” of the Scythian epoch]. *Mezhdru Aziyey i Yevropy. Kavkaz v IV–I tys. do n.e.* [Between Asia and Europe. Caucasus in 4–1 millennium BC]. St.Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 130–134.
- Alekseyev A. Yu.*, 2003. Khronografiya Yevropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n.e. [Chronography of the European Scythia of 7–4 cc BC]. St.Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 416 p.
- Bidzilya V.I., Polin S.V.*, 2012. Skifskyy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila [Scythian royal barrow Gaimanova Mogila]. Kiyev: Izdatel'skiy dom “Skif”. 752 p.
- Boltrik Yu.V., Fialko Ye.E.*, 2007. Ukrasheniya iz skifskikh pogrebal'nykh kompleksov Rogachikского kurgannogo polya [Jewelry from the Scythian burial complexes of the Rogachinsk barrow field]. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu* [Antiquities of the steppe Black Sea region and the Crimea], XIV. Zaporizhzhya: Zaporiz'skiy natsional'nyy universitet, pp. 51–93.
- Braun F.A.*, 1906. Otchet o raskopkakh v Tavricheskoy gub. v 1898 g. (s 52 ris.) [The report of the excavations in Tauric Province in 1898 (52 fig.)]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii* [Bulletin of Archaeological Committee], 19. St.Petersburg, pp. 81–116.
- Galanina L.K.*, 1997. Kelermesskiye kurgany [Kelermes barrows]. Moscow: Paleograf. 269 p., 44 tabl.
- Kublanov M.M.*, 1955. Zolotaya blyashka iz Chmyreva kurgana (nekotoryye cherty zaupokoynogo kul'ta u skifov) [Golden pendant from Chmyrev barrow (some features of the Scythian death cult)]. *KSIA* [BCIA], 58, pp. 127–130.
- Leskov O.M.*, 1974. Skarbi kurganiv Khersonshchini [Treasures of the Chersonese barrows]. Kii'v: Mistetstvo. 123 p.
- Mantsevich A.P.*, 1987. Kurgan Solokha [Barrow Solokha]. Moscow: Iskusstvo. 135 p.
- Mozolev'sky B.M.*, 1979. Tovsta Mogila [Tolstaya Mogila]. Kii'v: Naukova dumka. 251 p.
- Mozolevsky B.N., Polin S.V.*, 2005. Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodyana i Soboleva mogily) [Barrows of the Scythian Geross of 4 c. BC (Babina, Vodyana and Sobolev mogily)]. Kiyev: Izdatel'skiy dom “Stilos”. 600 p., 24 tabl. il.
- Onayko N.A.*, 1970. Antichny import v Pridneprov'ye i Pobuzh'ye v IV–II vv. do n.e. [Antique import in the Dnieper Region and Pobuzhje in 4–2 cc BC]. Moscow: Nauka. 212 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov; D1–27).
- Otchet..., 1913. Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1909 i 1910 gody [Report of the Imperial Archaeological Committee for 1909 and 1910]. St.Petersburg. 289 p.
- Otchet..., 1918. Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1913–1915 gody [Report of the Imperial Archaeological Committee for 1913–1915]. Petrograd. 295 p.
- Otchet..., 1914. Otchet o raskopkakh N.I. Veselovskogo v 1914 godu. Tavricheskaya guberniya i Kubanskaya

- oblast' [Report on the excavations of N.I. Veselovsky in 1914. The Tauric Province and Kuban Oblast]. *Rukopisnyy arkhiv IIMK [Manuscripts archive of the Institute of the Material Culture History]*, F.1, D.61.
- Polin S.V.*, 2011. K istorii razvitiya metodiki raskopok bol'shikh skifskikh kurganov [To the history of the development of the excavation methods of large Scythian barrows]. Grecheskiye i varvarskiyemye pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya: Opyt metodiki rossiyskikh i ukrainskikh polevykh issledovaniy [Greek and Barbarian sites of the Northern Black Sea Region: The experience of the methodology of the Russian and the Ukrainian field researches]. N.A. Gavrilyuk, A.A. Maslennikov, A.A. Zavoykin, eds. Moscow; Kiyev: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, pp. 206–222.
- Rostovtsev M.I.*, 1925. Skifiya i Bospor [Scythia and Bosphorus]. Leningrad: Tipografiya I Leningradskoy trudovoy arteli pechatnikov. 621 p.
- Shilov V.P.*, 1961. Raskopki Yelizavetovskogo mogil'nika v 1959 g. [The excavations of the Elisabeth barrow in 1959]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 1, pp. 150–168.
- Treyster M.Yu.*, 2009. Serebryanyye sosudy iz taynika Chmyrevoy Mogily [Silver vessels from the hiding-place in the Chmyreva Mogila Burial]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosphorus]*, 13. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, pp. 414–460.
- Tunkina I.V.*, 1997. M.I. Rostovtsev i Rossiyskaya Akademiya nauk [M.I. Rostovtsev and Russian Academy of Sciences]. *Skifskiy roman [Scythian novel]*. G.M. Bongard-Levin, ed. Moscow: ROSSPEN, pp. 84–123.
- Veselovsky N.I.*, 1910. Chmyrev kurgan [Chmyrev barrow]. *Germes [Hermes]*, 11-12(57-58), pp. 302–310.
- Zuyev V.Yu.*, 1997. M.I. Rostovtsev. Gody v Rossii. Biograficheskaya khronika [M.I. Rostovtsev. Years in Russia. Biographical chronicle]. *Skifskiy roman [Scythian novel]*. G.M. Bongard-Levin, ed. Moscow: ROSSPEN, pp. 84–123.